

А. Д. Некипелов²

О СОЦИУМЕ КАК ОБЪЕКТЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ И КРИЗИСЕ В СОВРЕМЕННОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

Специфика общества как предмета научных исследований не является секретом. Общественные науки зачастую трактуются как «мягкие» по сравнению

с «твердыми» естественно-научными дисциплинами. Эти характеристики призваны отразить тот факт, что в социальных исследованиях существенно меньшее значение имеет выявление строгих причинно-следственных связей, а существенно большее — интуиция, описание происходящих процессов, их общая качественная оценка с применением не всегда однозначно трактуемых критериев.

² Директор Московской школы экономики МГУ им. М. В. Ломоносова, академик РАН, доктор экономических наук, профессор. Автор более 200 научных публикаций, в т. ч. книг: «Очерки по экономике посткоммунизма», «Становление и функционирование экономических институтов: от “робинзоны” до рыночной экономики, основанной на индивидуальном производстве», «Центральная и Восточная Европа во второй половине XX века» и др.; статей: «Макроэкономическая политика в условиях глобализации: опыт современной России», «О природе современных глобальных процессов: размышления экономиста» и др. Член Научного совета при Совете безопасности РФ. Награжден орденами Почета, «За заслуги перед Отечеством» IV степени. Почетный доктор СПбГУП.

Экономическая теория стоит в этом ряду особняком. Сердцевиной ее предмета является вопрос о возможностях оптимального использования ограниченных ресурсов, что предопределяет необходимость широкого применения математического инструментария. Упор на его совершенствование, постоянно усиливавшийся в рамках так называемого «мейнстрима» в течение всего XX века, дал свои плоды: многие представи-

тели естественных наук стали рассматривать экономистов-теоретиков как коллег, опирающихся в своих исследованиях на «подлинно научные методы».

Но вот беда: среди самих экономистов все большее распространение получают представления, согласно которым их наука переживает кризис. Для того чтобы понять причины такого положения дел, следует внимательно посмотреть на то, что сегодня представляет собой «каноническая» общая экономическая теория.

Со времен Дж. М. Кейнса эта наука включает два, как будет показано ниже, плохо стыкующихся друг с другом раздела — микро- и макроэкономику.

Современная микроэкономическая теория представляет совокупность самостоятельных моделей (модели потребительского выбора, фирмы, отраслевого и общего равновесия и т. п.), составными частями которых являются гипотезы (аксиомы), рассуждения дедуктивного характера (в частности, математические преобразования), конкретные выводы. Причем выводы, получаемые на основе каждой модели, должны иметь форму, позволяющую проводить проверку их соответствия положению дел в реальной экономике. Соблюдение последнего требования, по мнению представителей «мейнстрима», позволяет превратить микроэкономике в подлинно эмпирическую науку, тем самым приближая ее к стандартам соответствующих естественно-научных дисциплин.

Достоинством такого подхода является то, что он позволяет получить представление о характере функциональных зависимостей, проявляющихся на поверхности хозяйственной жизни. Но у него есть, по крайней мере, два серьезных недостатка сугубо методологического и содержательного свойства.

Первый заключается в том неудобном для исследователя обстоятельстве, что, формулируя любую из упомянутых выше моделей, приходится вводить в нее категории, природа которых до этого не была определена. К примеру, в модели потребительского выбора такими понятиями являются рыночные цены товаров и доход потребителя, в модели фирмы — цены, издержки, процентная ставка. Второй порок, содержательный, состоит в том, что результатом исследования становятся выводы, относящиеся к экономической системе с изначально строго заданными параметрами, характерными для модели совершенной рыночной экономики. А это означает, что современная микроэкономическая теория в силу особенностей своего построения характеризуется институциональной статичностью.

Может показаться, что микро- и макроэкономика лишь поделили между собой поле экономических исследований: микроэкономика имеет дело с отношениями отдельных хозяйствующих субъектов (как индивидуальных, так и групповых), а макроэкономика — с функционированием экономики в целом. Увы, это не совсем так. Проблема в том, что эти два раздела современной экономической теории опираются на разные методологические основы, а значит, по сути, представляют собой две различные науки¹.

¹ В 1967 году К. Эрроу охарактеризовал разрыв между микро- и макроэкономикой как «крупный скандал» (major scandal) (см.: Arrow K. J. Samuelson Collected // Journal of Political Economy. 1967. № 75. P. 730–737).

Микроэкономическая теория исключает межличностное сравнение полезностей, поэтому рассматривает бессмысленное суммирование индивидуальных доходов для характеристики благосостояния группы. Между тем в макроэкономике валовой внутренний продукт (доход) рассматривается как ключевой показатель экономического развития страны. Бессмысленным с точки зрения микроэкономики является и такой макроэкономический показатель, как общий уровень цен. Для микроэкономики существует лишь вектор цен, и это связано с тем, что их средний уровень не может быть однозначно определен: ведь он зависит от того, структура выпуска какого периода берется за базу. Точно так же с точки зрения микроэкономики отсутствуют основания для введения в анализ производственной функции экономики в целом, обобщающей множество производственных функций, каждая из которых характеризует совокупность технически эффективных технологий в конкретных областях деятельности. Однако именно такая агрегированная производственная функция лежит в основе современных теорий экономического роста.

Основной особенностью классической макроэкономики является то, что она как бы «сплюсчивает» в простое скалярное представление сложную «векторную реальность». Надеяться на то, что работа по подведению микроэкономических основ под макроэкономическую науку² изменит такое положение дел, не придется. До тех пор пока проблематика экономического роста остается одной из центральных задач макроэкономики, методологическая несовместимость двух разделов современной теории будет сохраняться. В случае же замены проблематики экономического роста, ориентированной на динамику одного агрегированного показателя, проблематикой экономического развития макроэкономика в ее нынешнем виде просто исчезнет.

В качестве наиболее убедительных свидетельств кризиса современной экономической науки рассматриваются, с одной стороны, ее очевидные провалы в предсказании важных экономических событий, с другой — неоднократно проявлявшаяся неэффективность многих рекомендаций, предлагавшихся от ее имени. Самым ярким примером первого рода стал грандиозный мировой финансово-экономический кризис 2007–2009 годов, по иронии судьбы разразившийся вскоре после того, как представители «мейнстрима» уверились в том, что проблема предотвращения депрессий ими решена³. Примеров второго рода более чем достаточно. Ограничимся упоминанием о теперь уже общепризнанной неэффективности мероприятий, известных под названием «Вашингтонский консенсус», усиленно навязывавшихся постсоциалистическим государствам.

Неудовлетворенность ответами, которые дает «мейнстрим» на вызовы современного мира, привела к быстрому распространению так называемых гетеродоксальных подходов к анализу экономических проблем. Их сторонники подвергают сомнению оправданность самой попытки построить экономическую теорию по образу и подобию теоретических естественно-на-

² О ее результатах см., например, шестую главу известного учебника: *Ромер Д. Высшая макроэкономика*. М.: ВШЭ, 2014.

³ См.: *Lucas R. Macroeconomic Priorities // American Economic Review*. 2003. № 93 (1). P. 1–14.

учных дисциплин: на аксиоматической основе, с опорой на логические умозаключения и с широким применением математического аппарата¹. Соответственно объектом критики становится и заведомая упрощенность тех предположений (аксиом) в отношении особенностей человеческого поведения, на которые опирается «экономикс». Среди них — теоретические конструкции, используемые современной экономической теорией для характеристики как индивидуального поведения, так и социального целеполагания². В связи с этим внимание привлекается к тому факту, что в обществе действуют наделенные сознанием и обладающие собственными интересами агенты, чьи представления о действительности могут непосредственно влиять на нее³. Одним из результатов этого оказывается изменчивость хозяйственной среды, приводящая к быстрому устареванию любых ее моделей, претендующих на завершенность. Наконец, подчеркивается ошибочность игнорирования неэкономических факторов хозяйственного развития, особенно культурного и политического характера.

Нельзя не признать справедливость критики многих сторон «неоклассики» со стороны представителей гетеродоксии в экономической науке. В то же время очевидно, что в своей крайней форме этот подход неизбежно подводит к отказу в праве на существование общественным наукам вообще и экономической теории в частности. В условиях, когда отвергается возможность научных обобщений, для решения практических задач остается лишь «общий социальный анализ». Последний фактически рассматривается не как наука,

¹ Сомнения такого рода высказывались и ранее. Известный британский экономист первой половины XX века А. Пигу допускал существование «чистой экономической теории», но относился к ней весьма иронично. Он писал: «Чистая экономическая теория должна изучать равновесие и его нарушения среди групп лиц, деятельность которых вызвана любым множеством мотивов x . В ее рамки наряду с многочисленными другими подразделами попадут и политическая экономия Адама Смита, в которой x придается значение мотивов, приписываемых экономическому — или нормальному — человеку, и несмитовская политическая экономия, соответствующая геометрии Лобачевского, в которой x состоит из трудолюбия и ненависти к доходам». Но, несомненно, все его симпатии были на стороне «реалистической экономической науки»: «Противоположное положение этой чистой науке занимает реалистическая экономика, чей интерес сосредоточен на мире, известном из опыта, и ни в коей мере не простирается до изучения коммерческих деяний общины ангелов» (*Pigou A. C. The Economics of Welfare. L. : Macmillan and Co. 1932. P. 5–6.*)

² Так, автор концепции «нового прагматизма» Г. Колодко считает чрезмерно упрощенными следующие отправные пункты стандартной теории: парадигму максимизации богатства, убежденность в рациональном поведении экономических агентов и веру в то, что рыночный механизм гарантирует эффективное управление экономикой (см.: *Kolodko G. W. Truth, Errors, and Lies. Politics and Economics in a Volatile World. N. Y. : Columbia Univ. Press, 2011. P. 72.*) Он же подвергает критике одномерный подход современной макроэкономики к проблеме экономического прогресса и отождествлению последнего с ростом ВВП (см.: *Kolodko G. W. Whither the World: The Political Economy of the Future. Palgrave Macmillan, 2014. P. 33.*)

³ «...Выводы из экономических теорий довольно быстро становятся достоянием массы экономических агентов и влияют на формирование ожиданий. Стоит исследователям что-то узнать о закономерностях функционирования фондового рынка, как эти закономерности осваиваются агентами и влияют на их поведение. В результате выявленные закономерности перестают выполняться» (*Полтерович В. Становление общего социального анализа // Выдающиеся экономисты современности : энциклопедия. М., 2013. С. 178.*)

а как междисциплинарный инструментарий, пригодный для изучения частных случаев — так называемых *case studies*⁴.

Разумеется, одна из основных особенностей социума как объекта изучения состоит в том, что в его рамках взаимодействуют люди, обладающие сознанием и руководствующиеся в своих действиях собственными интересами. Общественные (в том числе экономические) институты являются продуктом их деятельности. Тем не менее вывод, что в этих условиях в экономической системе не могут формироваться устойчивые закономерности, поддающиеся научному обобщению, не представляется правомерным.

Хорошо известна сложность современной экономической системы, пронизанной огромным количеством взаимозависимостей между экономическими агентами, действующими в значительной степени независимо друг от друга. Тем более важно, что, несмотря на это, рыночная экономика отнюдь не идет вразнос, а демонстрирует способность обеспечивать более или менее упорядоченное развитие. Это само по себе дает веское основание для предположения о существовании объективно действующих сил, направляющих энергию самостоятельных участников хозяйственной жизни в конструктивное русло. Можно предположить, что наличие устойчивых закономерностей в экономической сфере связано с тем, что разным людям свойственны сходные устремления, возможности реализации которых наталкиваются на однотипные ограничения. Как бы то ни было, общая экономическая теория имеет уже по меньшей мере четырехсотлетнюю историю, в ходе которой многочисленным исследователям удалось добыть немало полезных и получивших практическое подтверждение сведений о том, как функционирует рыночная система.

Не представляется убедительным и приводившийся выше тезис, в соответствии с которым самостоятельная экономическая теория не имеет права на существование, поскольку хозяйственные решения по своей природе включают ценностные, а во многих случаях — и политические аспекты. Конечно, общество представляет собой сложный субъект, обладающий политическими, экономическими, социальными и культурными измерениями. Но и предметом чистой экономической теории является не изолированная сфера социума, а социум в целом, правда, рассматриваемый под особым углом зрения.

Однако если экономическая теория — это взгляд на социум с экономической точки зрения, то она не может полностью абстрагироваться от явлений, которые являются главным предметом исследования других дисциплин. Да она никогда и не выводила за рамки своего предмета соответствующие явления. Легко убедиться, что без обращения к системе предпочтений и, следовательно, к ценностям человека невозможно по-

⁴ По мнению В. Полтеровича, предметом общего социального анализа является функционирование и развитие общественных институтов в целом. При этом исследования в его рамках должны опираться на единую базу данных, а общий аналитический аппарат — состоять из методов статистической обработки данных (эконометрики) и теории игр как абстрактной дисциплины, объясняющей формирование норм поведения (*Полтерович В. Указ. соч. С. 184.*)

строить модель потребительского выбора. Не «чужим» для экономической теории является и основной субъект политической системы — государство. Без него невозможны ни функционирование рыночной экономики (вспомним о важности формализации и обеспечения соблюдения правил экономической «игры»), ни борьба с «провалами рынка», ни учет того, что интересы членов общества не сводятся к интересам «человека экономического». Внимание, которое в экономической теории уделяется проблематике общественного выбора (в том числе в части, касающейся справедливого распределения доходов), подтверждает, что она включает и социальное измерение.

Вот почему вывод из кризиса современной экономической теории, по моему убеждению, связан не с отказом от применения дедуктивного метода, опирающегося на ограниченный набор аксиом, а с преодолением ее институциональной статичности, а также с четким определением ее места в системе экономических и — более широко — общественных наук.

Выявить логику в развитии форм организации экономической жизни помогает методологический подход, состоящий в сочетании генетического и функционального анализа. Он, как известно, в основных чертах был разработан еще Карлом Марксом, двухсотлетие которого отмечается в нынешнем году. В современных терминах сутью такого подхода является переход от совокупности отдельных моделей, описывающих проявляющиеся на поверхности функциональные зависимости между элементами экономической системы, к системе моделей, вытекающих одна из другой и характеризующих исследуемый объект на различных уровнях абстракции. Оказывается, эта методология позволяет не только непротиворечивым способом прийти к тем же, что и в «неоклассике», результатам в отношении функциональных зависимостей, проявляющихся на поверхности рыночной экономики, но и выявить основные силы институциональной динамики, определяющей становление и возможные направления развития этой хозяйственной системы¹.

Однако вот что важно иметь в виду. Чистая экономическая теория, построенная на основе дедуктивного метода, позволяет сформировать не более чем «интеллектуальный макет» экономической системы. Выше уже отмечалось, что экономическая теория не может совсем обойтись без учета ценностных и политических факторов общественного развития. Но эти факторы не являются для экономической теории предметом углубленного исследования. Они вводятся в нее аксиоматически, в удобном для формализации упрощенном виде. И это, конечно, является одной из причин² того, что экономическая теория не позволяет сама опреде-

лять точные значения параметров, характеризующих конкретную экономическую систему в конкретных обстоятельствах. Именно поэтому ее необходимо рассматривать не как точное отражение изучаемого объекта, а как его макет. В этом важнейшее отличие «экономических законов» от, скажем, законов механики. Поэтому и задача теории здесь существенно уже: выявить соподчиненность и взаимодействие основных элементов экономической системы, определить природу и направленность институциональных преобразований.

Ни при каких обстоятельствах «чистая экономическая теория» не может обеспечить прямой выход на практические рекомендации, касающиеся путей решения конкретных проблем, с которыми сталкиваются отдельные государства, их интеграционные объединения, глобальная экономика в целом. Попытка создания точной виртуальной копии современной экономики обречена на провал по двум причинам.

Первая носит сугубо технический характер: усилия, связанные со сбором и обработкой необходимой для этого информации, превышают любые мыслимые границы. Вторая имеет принципиальное значение и связана с природой человека. Дело в том, что некоторые параметры, отражающие особенности нашего поведения, изменчивы, причем непредсказуемо изменчивы. Так, невозможно однозначно определить характер экономических ожиданий членов общества, а значит, и их реакцию на изменяющиеся экономические переменные. По природе своей неоднозначным является понятие социального оптимума, а потому невозможно предугадать конкретные механизмы принятия групповых решений, которые будут использовать члены социума, и какие именно цели они будут перед собой ставить.

Следствием всех этих обстоятельств является формирование своеобразной «зоны неопределенности» между моделью, описываемой «чистой экономической теорией», и реальной экономикой³. Именно это и отличает экономическую теорию как социальную науку от таких естественно-научных дисциплин, как, например, теоретическая механика.

Отсюда следует, что для принятия практических решений не существует альтернативы использованию упрощенных моделей, основанных на агрегированной и в известном смысле разнородной информации. Справедливо и то, что применяемый для этого инструментарий не может не иметь эклектичного характера. В его состав входят и классические макроэкономические модели, и эконометрические разработки, и социологические обследования. Поиск оптимальных решений, несомненно, требует учета культурных и социально-психологических особенностей общества, характера действующих в его рамках политических механизмов. Иными словами, при анализе конкретных ситуаций применение инструментария междисциплинарного анализа просто необходимо. Что же касается экономической теории, то она призвана играть роль своеобразного ориентира, позволяющего правильно организовать усилия исследователя.

¹ Попытка реализовать этот подход была предпринята мною в следующих работах: *Некипелов А.* Становление и функционирование экономических институтов. От «робинзоады» до рыночной экономики, основанной на индивидуальном производстве. М. : Экономист, 2006 ; *Некипелов А.* Общая теория рыночной экономики. М. : Магистр, 2017.

² Именно «одной из». Не поддаются непосредственному определению, скажем, индивидуальные функции полезности, да и количество переменных в конкретной экономике столь велико, что невозможно не только обработать весь объем информации, но и просто собрать его.

³ См.: *Некипелов А.* Nowy pragmatyzm Grzegorza W. Kolodki — alternatiwa czy uzupełnienie teorii ekonomii? // *Ekonomia przyszłości. Wokół nowego pragmatyzmu Grzegorza Kolodko.* Redakcja naukowa Maciej Baltowsky. Warszawa : PWN, 2016.